

Ю. Ю. Башкатов

Жилища позднезарубинецкого времени: состояние изучения и проблема источника

Keywords: Late Zarubintsi group, housing, blockhouse construction, carcass-pillar design, semi-dugouts, ground dwelling, Kiev culture.

Ключевые слова: Позднезарубинецкая группа, жилище, срубная конструкция, каркасно-столбовая конструкция, полуземлянка, наземное жилище, киевская культура.

Yu. Yu. Bashkatov

Late Zarubintsi Dwellings: State of Studies and the Problem of Source

The author examines the current state of studies of the Late Zarubintsi culture dwellings and main ideas about them. He also introduces some new evidence from the South Bug River area and gives a comprehensive overview of dwellings belonging to all local versions of the Late Zarubintsi group of sites. Special focus is set on constructive features of the dwellings. He concludes that the blockhouse construction of walls prevailed and had a continuation on the latest sites of the Kiev culture.

Ю. Ю. Башкатов

Жилища позднезарубинецкого времени: состояние изучения и проблема источника

Статья посвящена проблеме изучения жилищ позднезарубинецкой группы памятников. В ней рассмотрено современное состояние вопроса и основные точки зрения. Также вводятся в оборот новые материалы Южного Побужья. Дается полный обзор по жилищам всех локальных вариантов позднезарубинецкой группы памятников. Особое внимание уделяется их конструктивным особенностям. Делается вывод о преобладании срубной конструкции стен, имеющей продолжение на позднейших памятниках киевской культуры.

За более чем полувековую историю изучения позднезарубинецких памятников накоплен значительный массив материалов исследований и достаточно большое количество публикационных и аналитических работ, посвященных им. Хронологию памятников определяют следующим образом. Нижняя граница — дата кризиса зарубинецкой культуры или, другими словами, верхняя дата зарубинецких памятников. В работах М. Б. Шукина она устанавливается в пределах 40-х гг. н. э. — середины I в. н. э. (Шукин 1979: 68; 1986: 29). Кризис зарубинецкой культуры, по мнению А. М. Обломского, наступает несколько позднее — в третьей четверти I в. н. э. (Обломский 1987). Скорее всего, распад зарубинецкой культуры был не единовременным актом, а рядом последовательных событий середины-третьей четверти I в. н. э. Верхнюю дату позднезарубинецких памятников в целом ограничивает возникновение сменившей их на данной терри-

тории киевской культуры, а также памятников черняховской культуры, распространившихся в Среднем Поднепровье и Днепровском лесостепном Левобережье в середине III в. н. э. Поскольку возникновение киевской культуры относится к концу II — началу III в., то эту же дату можно считать максимально допустимым верхним рубежом предшествующих позднезарубинецких памятников.

Следует подчеркнуть, что позднезарубинецкие памятники характеризуются значительным разнообразием, обусловленным той или иной степенью сохранности «классических» зарубинецких традиций, наличием других этнокультурных компонентов и др. Вероятнее всего, это связано с широким расселением и освоением территорий, занятых прежде другим населением. В силу этой разнородности их сложно объединить в отдельную археологическую культуру. На данный момент самыми распростра-

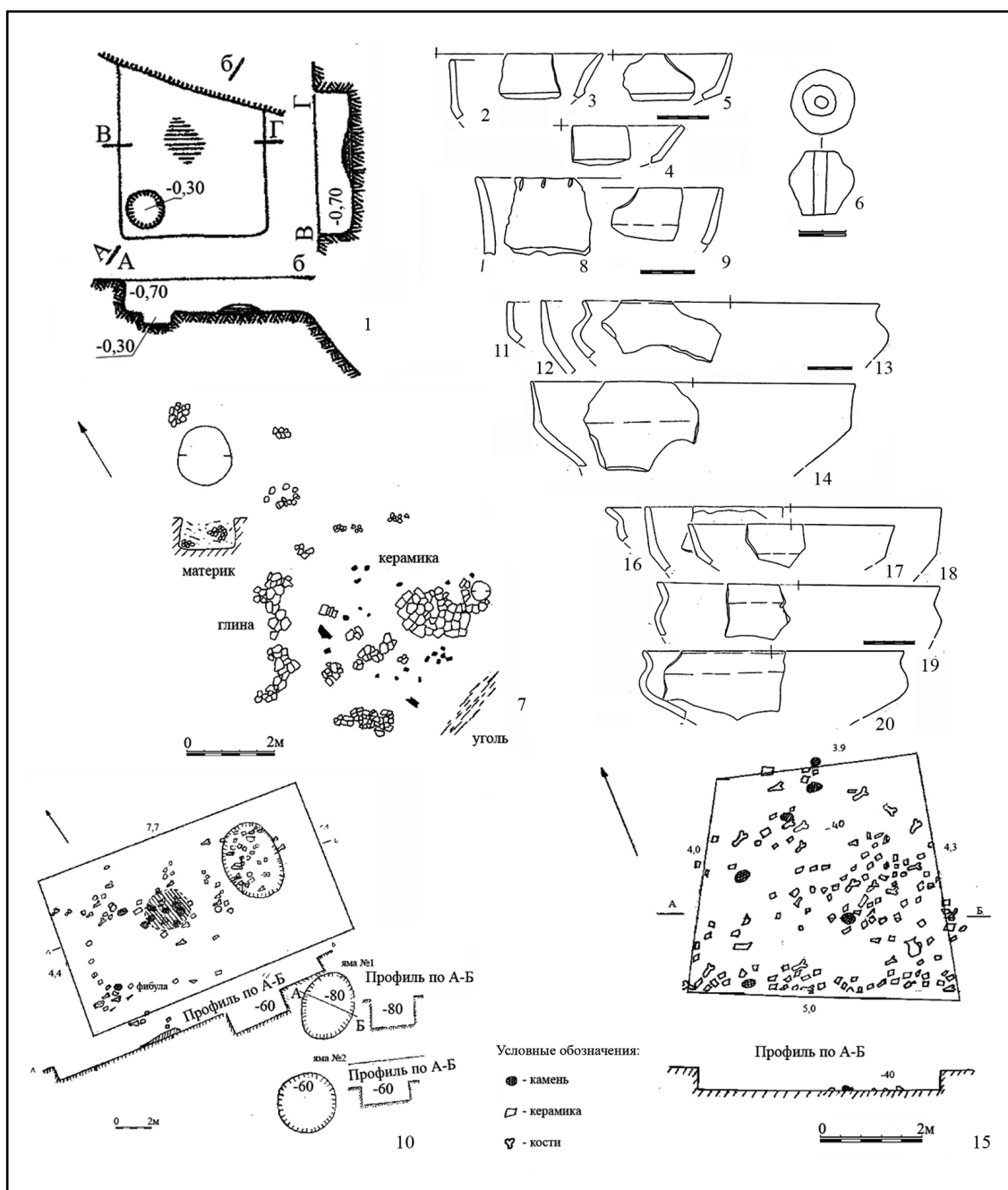

Рис. 1. Рахны, поселение, материалы. 1 — жилище 1 (план, профиль, без масштаба); 2 — жилище 1; 3—5 — без определенного места находки; 6, 8—9 — раскоп 3; 7 — Рахны, поселение, раскоп 3, жилище 3; 10 — Пархомовка, жилище 1, 1977 г., план; 11—14 — комплекс жилища 1; 15 — Пархомовка, жилище 2, 1977 г., план; 16—20 — материалы жилища 2 (рис.: 1, 7, 10, 15 — П.И. Хавлюка; прочее — А.М. Обломского).

Fig. 1. Rakhny, settlement, finds. 1 — dwelling 1 (plan, profile, no scaling); 2—dwelling 1, 3—5 — no specific place of the find is determined, 6, 8—9 — dig 3, 7 — Rakhny, settlement, dig 3, dwelling 3, 10 — Parkhomovka, dwelling 1, 1977, plan, 11—14 complex of the dwelling 1, 15 — Parkhomovka, dwelling 2, 1977, plan, 16—20 finds of dwelling 2 (fig.: 1, 7, 10, 15 — by P.I. Khvalyuk; the other are by A.M. Oblomsky).

ненными являются взгляды М.Б. Щукина, Д.А. Мачинского и Р.В. Терпиловского, А.М. Обломского. Относительно культурной принадлежности памятников, частично продолжающих развитие зарубинецких традиций (могильник Гриневичи Вельки, памятники типа Марьяновки — Рахнов, Лютеж,

поселения киевского типа Поднепровья, почепские Подесенья и Абидня в Белоруссии), М.Б. Щукин и Д.А. Мачинский высказываются осторожно: они не отрицают их связь с зарубинецкой культурой, но в то же время подчеркивают их отличие от последней (Щукин 1976: 78; Мачинский 1976: 93—94). В даль-

нейшем М. Б. Шукин вводит понятие распада зарубинецкой культуры, а древности I—II вв. Подесенья, Побужья и Поднепровья предлагает именовать «поздзарубинецкими» (Шукин 1979: 69, 74). Учитывая распространение позднезарубинецких памятников на огромном пространстве в сочетании с объединяющими их сравнительно немногими интегрирующими признаками, М. Б. Шукин предпочитает определять это явление как «горизонт Рахны-Почеп» (Шукин 1986).

Точка зрения Р. В. Терпиловского и А. М. Обломского наиболее подробно изложена в их совместной монографии 1991 года, где авторами проводится мысль о позднезарубинецких памятниках как самостоятельном культурном явлении, отличном как от предшествующей зарубинецкой, так и от последующей киевской культуры. Этот же подход сохранен и в более поздних монографиях А. М. Обломского (2002) и Р. В. Терпиловского (2004). Они считают более корректным применение термина «позднезарубинецкие» по отношению к данному кругу древностей.

Объединяющим является признание ведущей роли позднезарубинецких памятников в формировании материальной культуры III—V вв., соответственно делающей их связующим звеном в «зарубинецкой линии» происхождения славян.

Хотя в данной работе будет рассмотрено состояние изучения жилищ, но во многом те же проблемы касаются как керамических, так и вещевых комплексов.

Особое внимание, которое уделяется жилищу, связано с тем, что оно является одним из главнейших культуuroобразующих элементов любого этноса. Традиции возведения сооружений видоизменялись слабо, долгое время сохраняя индивидуальные черты. Также они были гораздо слабее подвержены влияниям моды, в отличие от вещей или керамики. Значительная перспектива открывается в их применении для изучения периодов нестабильности этнических групп. Хрупкие культурные образования, быстро трансформирующиеся под напором соседей, тем не менее, сохраняют укоренившиеся основы строительного дела. Для периода начала нашей эры — эпохи глобальных перемещений населения — это позволяет определить истоки формирования и направление миграций культурных групп. В данной работе будет дан анализ и оценка нескольких наиболее проблемных, на наш взгляд, групп памятников.

Первые попытки интерпретации позднезарубинецких построек начинаются сразу после их открытия, в середине 1950-х гг. В этот пе-

риод анализ домостроительства содержится, прежде всего, в работах А. К. Амброза (1955; 1956; 1957). А. К. Амброз широко привлекает данные домостроительства в работе, посвященной историческому развитию Верхнего Подесенья (Амброз 1964: 56—71). На этой территории он выделяет два основных типа сооружений начала эры: большие жилые наземные дома и хозяйственные углубленные постройки. Соответственно, определяются юхновские (в первом случае) и зарубинецкие (во втором) истоки домостроительных приемов деснинского населения римского времени (Амброз 1964: 66). Таким образом, изучение построек легло в основу идеи А. К. Амброза о наличии здесь своеобразной синкретичной почепской культуры. Выделяя два этапа в ее развитии, исследователь отмечает и трансформацию домостроительства (Амброз 1964: 61, 67).

Изучение приемов домостроительства населения Подесенья в первой половине I тыс. н. э. было продолжено только на рубеже 1970-х — 1980-х гг. В статьях Г. Н. Пронина и И. К. Фролова частично публикуются и интерпретируются материалы поселений Синьково-Дмитрово, Железное, Парня-2, поселения в устье р. Гасомы. Авторы статей развивают идеи А. К. Амброза о жилом предназначении больших наземных домов. На поселении Почеп, где Ф. М. Заверняевым были обнаружены лишь углубленные строительные объекты, Г. Н. Пронин выделяет ряд наземных построек (Пронин 1979: 55—56). Все они в западной части имели углубленный котлован. По мнению И. К. Фролова, жилые сооружения Подесенья и Поочья можно разделить на две группы — наземные и наземные с обширной углубленной частью (Фролов 1979: 66). Котлован может достигать значительных размеров и иметь в центре яму от столба. Оба исследователя сомневаются в «целесообразности помещения сруба в котлован вместе с опорным столбом» и считают, что перекрыть полуземлянку крышей в этом случае невозможно (Фролов 1979: 63, 66; Пронин 1979: 57).

В 1970-х гг. появляется ряд работ, в которых некоторые выводы А. К. Амброза подвергаются сомнению. Это стало возможным в связи со значительным расширением источниковой базы. В это время П. Н. Третьяков развивает гипотезу о зарубинецкой линии развития восточнославянских племен. Он считал, что в основе славянской культуры лежат зарубинецкие традиции (Третьяков 1966: 254—273). Данные домостроительства играют значительную роль в доказательстве

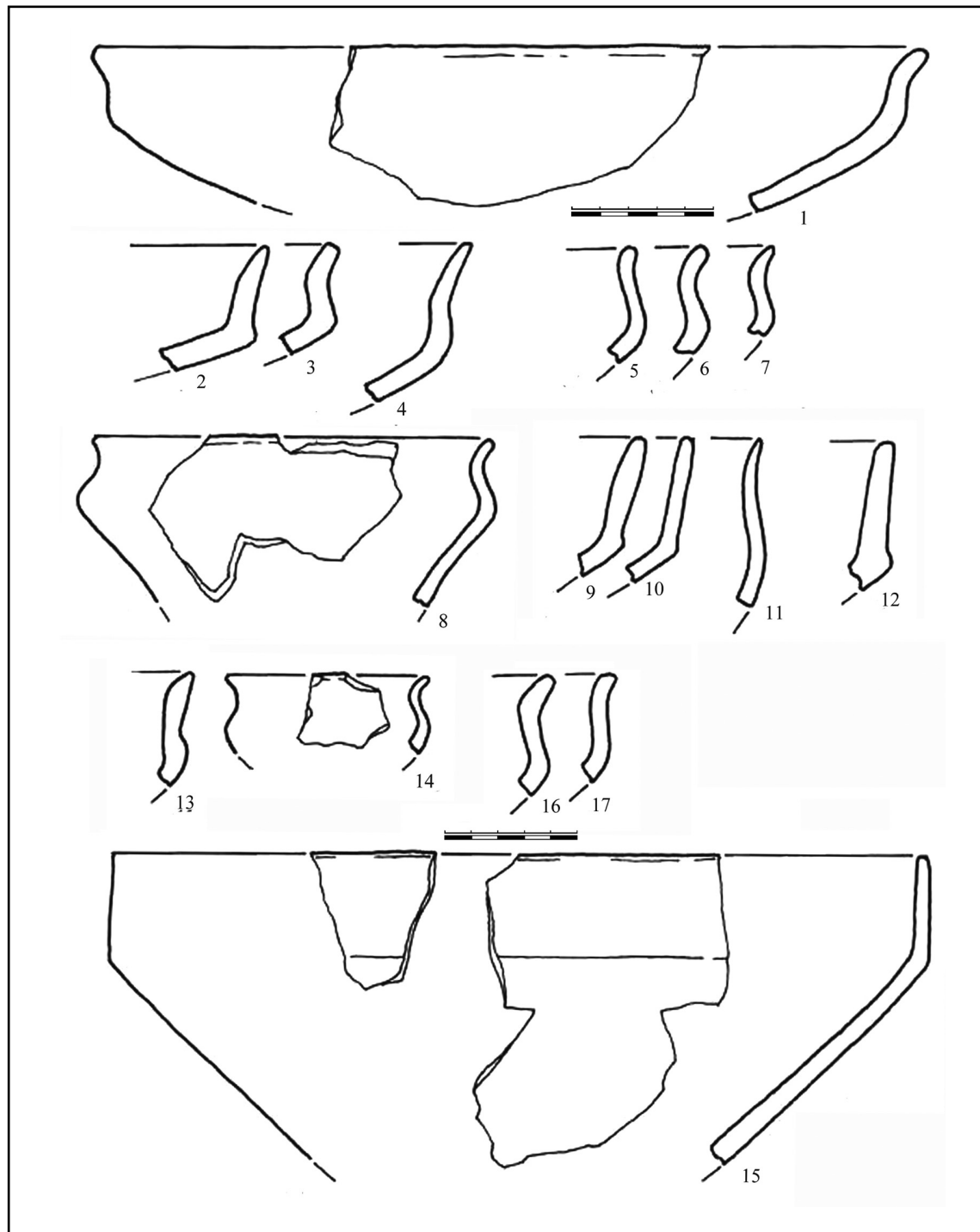

Рис. 2. 1—4 — жилище 51 Оболонь, 5—8 — жилище 47, 9—11 — жилище 62, 12—14 — жилище 64, 15—17 — жилище 61 (рисунки Р.В. Терпиловского).

Fig. 2. 1—4 dwelling 51 Obolony, 5—8 dwelling 47, 9—11 dwelling 62, 12—14 dwelling 64, 15—17 dwelling 61 (drawings by R.V. Terpilovsky).

этого положения. Исследователь считал жилища одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры этноса (Третьяков 1974: 55). Подводя итог публикации памятников, исследованных в 1960-х гг., П.Н. Третьяков сделал вывод, что для славян-

ского населения характерным типом жилой постройки была квадратная в плане полуземлянка (Третьяков 1974: 55; Третьяков 1982: 58). Воспринятый от населения милоградской культуры, тип постройки постепенно претерпевает определенные изменения (Третьяков

1971: 246). Возведение наземных сооружений исследователь связывает с традициями местных деснинских племен (Третьяков 1982: 58). Если в зарубинецкой культуре они сочетались с углубленными, то со временем количество наземных жилищ уменьшается (Третьяков 1971: 243).

Е. А. Горюнов критически рассматривает идеи А. К. Амброза и П. Н. Третьякова относительно развития домостроительных традиций первой половины I тыс. н. э. Отсутствие очагов в ряде построек объясняется сложностью или невозможностью их выявления (Горюнов 1981: 8). По мнению Е. А. Горюнова, И. К. Фролов и Г. Н. Пронин предлагали реконструкцию наземных сооружений по разновременным столбовым и хозяйственным ямам, в расположении которых не было никакой системы (Горюнов 1981: 26, сноска 88). В то же время он считал спорным заключение П. Н. Третьякова относительно плавного перехода от «старой» конструкции жилища к «новой». Е. А. Горюнов доказывал, что поселения, для которых П. Н. Третьяков предполагал одновременное существование этих сооружений, на самом деле являются многослойными (Горюнов 1981: 27—29).

Работой Е. А. Горюнова знаменует начало второго этапа изучения построек раннеславянского населения междуречья Поднепровья. Если раньше данные домостроительства использовались для доказательства готовых этногенетических схем, то теперь они становятся основой для их построения. Находя неточности в предшествующих работах, Е. А. Горюнов критиковал сам принцип получения широких выводов из узкого круга источников. Разумеется, только значительное увеличение объема результатов исследований позволило работам по домостроительству выделиться в самостоятельный блок знаний.

В 1980-х — начале 1990-х гг., кроме статей, появляется ряд обобщающих монографий Р. В. Терпиловского и А. М. Обломского, дающих полную оценку древностям первой половины I тыс. н. э. Одна из них полностью посвящена позднезарубинецким древностям начала эры (Обломский, Терпиловский 1991). В итоге анализа керамики и домостроительства авторы приходят к выводу о формировании позднезарубинецких групп памятников (кроме памятников типа Грини) на основе традиций среднеднепровского зарубинецкого населения. Близки они не только по набору форм сосудов, но и по конструктивной схеме полуземлянок. Региональные отличия объясняются внешним культурным влиянием. Для деснинского региона характерно отмеченное А. К. Амброзом

наличие юхновских элементов (прежде всего — наземных столбовых домов), для востока Левобережья — пшеворских (Обломский, Терпиловский 1991: 88—89). Определенные трансформации в домостроительстве племен среднеднепровского региона исследователи предположительно связывают с изменением экологической среды, в которой находились поселения. В частности, в результате перехода на влажные пойменные участки население отказывается от плетневой конструкции стен с обмазкой (Обломский, Терпиловский 1991: 40; Терпиловский 1994: 52). Большим достоинством совместной монографии авторов является наличие в ней каталога позднезарубинецких сооружений (Обломский, Терпиловский 1991: табл. 2).

В монографии А. М. Обломского, посвященной истории территории водораздела Днепра и Дона в первой половине I тыс. н. э. (Обломский 1991), определенное место уделено домостроительству. В частности, А. М. Обломский считает наличие хозяйственных построек этнографическим индикатором поселений типа Терновка-2 на востоке исследуемого региона (Обломский 1991: 42). В период функционирования раннекиевских памятников эта традиция распространяется на всю территорию востока Левобережья и сохраняется позднее (Обломский 1991: 68, 101).

В последнее десятилетие изучению позднезарубинецкого жилища посвящены работы Г. Л. Земцова (2004), в кандидатской работе которого достаточно подробно рассмотрены жилища Днепровского Левобережья и Ю. Ю. Башкатова (2001, 2004а, 2004б, 2008, 2009), в которых больше внимания было уделено проблемам типологии и жилищам Среднего Поднепровья.

В целом, жилища большинства известных памятников достаточно подробно рассмотрены. Пожалуй, единственным исключением можно назвать материалы поселений Южного Буга. К огромному сожалению, материалы, полученные П. И. Хавлюком в результате длительных исследований Побужья на территории Винницкой области, не были полностью опубликованы (Хавлюк (1971; 1975; 1990; 2003). Во время работ по подготовке свода «Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I—II в. н. э.)» А. М. Обломским и Ю. Ю. Башкатовым были осмотрены материалы раскопок, хранящиеся в Винницком краеведческом музее (пользуясь случаем, выражаем благодарность М. В. Потупчику и М. И. Потупчик за оказанную помощь). К сожалению, состояние коллекций не слишком хорошее, что отчасти связано

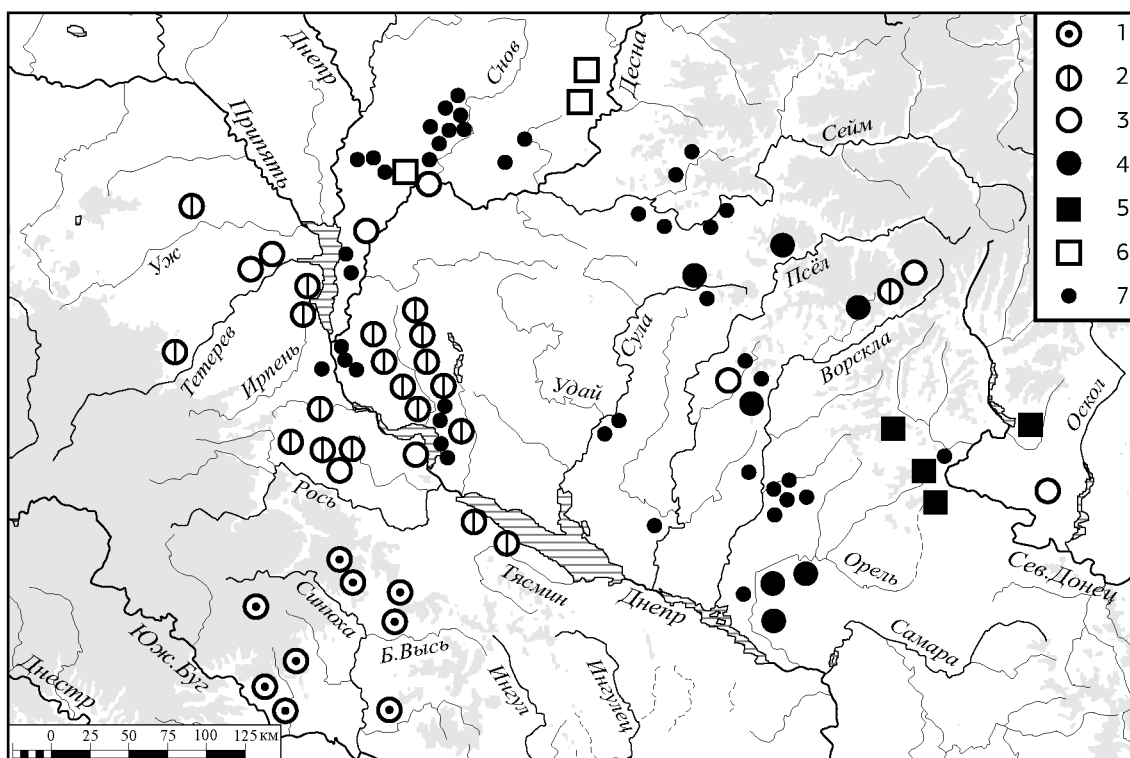

Рис. 3. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины: 1 — типа Марьяновки; 2 — типа Лютеж; 3 — типа Грини; 4 — типа Картамышево-2; 5 — типа Терновки-2; 6 — типа Почеп; 7 — неопределимые (составление А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский).

Fig. 3. Late Zarubintsi sites in Ukraine: 1 — similar to Maryanovka; 2 — similar to Lyutezh; 3 — similar to Grini; 4 — similar to Kartamyshovo-2; 5 — similar to Ternovka-2; 6 — similar to Pochev; 7 — indeterminate (compiled by A.M. Oblomsky and R.V. Terpilovsky).

с передачей после смерти П. И. Хавлюка материалов из Винницкого педуниверситета в музей, а отчасти с тем, что некоторые материалы хранились у автора. Недостаёт части полевой документации и индивидуальных находок. Отчеты, хранящиеся в научном архиве ИА НАН Украины, зачастую довольно схематичны. Была предпринята попытка восстановить по хранящимся в музее дневникам общую картину, но недостаток чертежей делает многие моменты довольно спорными.

В статье, посвященной позднезарубинецким памятникам Побужья, П. И. Хавлюк указывает 25 памятников, датированных I в. до н.э. — II — началом III в. н.э. (Хавлюк 1975а: 7—19, рис. 1). Стационарные исследования проводились лишь на нескольких из них, а именно в Марьяновке, Рахнах Собоных, Носовцах, Париевке, Пархомовке и на могильнике Рахны Собоные.

В упомянутой выше статье приведена краткая характеристика жилищ этой группы. Указано, что известны как наземные жилища, так и полуземлянки. Первые имели деревянный каркас и стены, сплетенные из хвороста и обмазанные глиной. Внутри жилища находился очаг в виде глиняной площадки. Иногда

в одном из углов постройки устраивалась яма для хранения запасов пищи. Такие жилища известны в Носовцах и в Рахнах. Встречаются и полуземлянки (Рахны, Слободка), углубленные на 0,5 м, с купольной печью в центре (Рахны), в уголке — яма-хранилище. Площадь жилищ — около 16 кв. м (4×4 м) (Хавлюк 1975а: 7—9, рис. 2).

Данные выводы вызывают некоторые сомнения. На основании данных полевых дневников и отчетов можно с некоторыми допущениями сделать следующие выводы. Вероятно, что на поселениях бассейна Южного Буга существовали два типа построек. К первому (наиболее распространенному) относятся наземные жилища, скорее всего прямоугольной формы, часто с глинобитными очагами и, в некоторых случаях, хозяйственными ямами внутри. Размеры приводятся только для жилища 1 из Париевки (8×3,5—4 м), Пархомовки (жилище 1 — 7,7×4,4 м и жилище 2 — 4,8×5×4×3,9 м), в остальных случаях их определить не удалось. Такие сооружения зафиксированы на поселениях Марьяновка (две постройки), Рахны (четыре постройки), Париевка (одна постройка), Пархомовка (две постройки). Часто встречаются остатки глиня-

ной обмазки стен (жилища 2, 3, 4 Рахнов, жилище 1 Париевки). Тем не менее, ни в одном из случаев не удалось зафиксировать следы столбовых ям каркаса. В жилище 3 поселения Рахны в юго-западном углу прослежены остатки горелого дерева (дуб) и обмазка со следами расколотых плах, находившаяся в яме в двух метрах от постройки (Хавлюк 1970б). На поселении Париевка в жилище 1 на обмазке прослежены отпечатки веток диаметром не более 3—4 см и жердей диаметром более 4 см (Хавлюк 1975б).

Таким образом, конструкция стен наземных жилищ Южного Буга не совсем понятна. Как говорилось выше, П. И. Хавлюк считал их традиционными для зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья (каркасно-плетневыми со стенами, обмазанными глиной). Однако ни в одном из случаев зафиксировать следы каркаса не удалось. Указывающие же на подобную конструкцию остатки обмазки из жилища 1 Париевки могли принадлежать кровле. Принимая во внимание существование в Среднем Поднепровье срубных построек на переходном этапе от зарубинецкого домостроительства к позднезарубинецкому и позднее, можно предположить, что срубная конструкция стен могла быть известна и на Южном Буге. Архаичным признаком является то, что постройки были наземными. Глинобитные очаги и глиняная обмазка стен также более характерны для классической зарубинецкой культуры, чем для позднезарубинецких памятников. Данные выводы подтверждаются и датировкой большинства памятников (I в. н. э.). Таким образом, вопрос о конструкции стен «больших» домов остается на данный момент открытым.

Вторая, гораздо меньшая по численности, группа жилищ представлена полуземлянками, вероятно, со срубной конструкцией стен и завалами печины в центре. Размеры колеблются в пределах 2,8—3,5×3,3—4 м. П. И. Хавлюк интерпретировал их как остатки купольных печей (Хавлюк 1975а: 8), однако в обоих подобных случаях нет даже упоминания о наличии субконструкций пода и остатков стен. Приведем описание объекта из заполнения жилища 1 Рахнов: «На полу сохранились остатки “печи или очага” в виде кучи обожженной глины размерами 1,2×1 м. В нижней части она имела комковатую структуру, в которой помещались черепки сосудов». В жилище 5 «печь находилась несколько ближе к юго-восточной стенке, но ставилась она явно по центру. Сверху имеет вид беловатой обожженной глины, растрескавшейся на мелкие обломки, еще ниже — комковатую структуру красного цве-

та и почти у самого основания — желтый цвет обыкновенной глины. С северной стороны в обмазке заметен черепок» (Хавлюк 1970а). Цельная конструкция ни в одном из случаев не прослеживается. Подобная ситуация имеет аналогии среди полуземлянок Почепского селища. Именно там фиксируются квадратные полуземлянки с завалами обожженной глины в центральной части. Отличием может являться то, что под завалами в почепских полуземлянках фиксируются остатки столбовых ям (Заверняев 1969: 92—93).

Обе группы построек имеют достаточно близкие аналогии на синхронных позднезарубинецких поселениях других территорий, но есть и отличия. Так, наземные жилища похожи на среднеднепровские, но более обширны. Полуземлянки отличаются от почепских отсутствием столбовых ям под завалами печины. К сожалению, на современном уровне изученности памятников судить о том, были ли эти отличия региональными, либо они вызваны ошибками полевой фиксации, однозначно нельзя.

Похожие проблемы возникают и при изучении жилищ Среднего Поднепровья. В отчете В. Н. Даниленко, В. П. Дудкина, В. А. Круца о разведке в Новых Безрадицах упоминается, что в 1966 г. в ур. Митькив Кут были найдены остатки двух наземных жилищ позднезарубинецкого периода (Даниленко, Дудкин, Круц 1966: 4—7). Дальнейшая информация о конструктивных особенностях или о размерах жилищ отсутствует. Судя по планам раскопок, возможно, речь идет о наземных срубах, т. к. контуры объектов выделялись по скоплению находок.

Полностью достоверными для Среднего Поднепровья можно считать только три жилища поселения Лютеж, практически полностью раскопанного в 1962—1964 гг. В. И. Бидзилой и С. П. Пачковой (1969). Все они углублены в почву на 0,4—0,5 м от дневной поверхности, площадью 12—16 кв. м. Жилища 1 и 3 имели срубную конструкцию стен. По мнению авторов раскопок, жилище 2 имело столбовую конструкцию, которую они интерпретировали как курень (Бидзиля, Пачкова 1969: 54). Следует отметить конструктивное сходство этого жилища и многих сооружений поселения Оболонь (жилища 11, 16, 17, 23 и др.). Вероятно, в данном случае мы имеем дело с остатками сооружения каркасно-плетневой (как жилище 11 Оболони) или срубной конструкции, в котором столбы появились в результате ремонта, дополнительного крепления стен или, возможно, были частью интерьера постройки (например, мебели).

Долгое время поселение Оболонь, раскопанное практически полностью А. М. Шовкопляс в 1966—1973 гг., полагалось как эталонное для позднерубинского времени. К сожалению, публикация материалов с него была чрезвычайно отрывочной — в основном заметки в АО (Шовкопляс 1969; 1970; 1971; 1972; 1973; 1974; 2003). На памятнике было исследовано 61 жилище позднерубинского времени, из них 55 неповрежденных. Обращение к архивным материалам выявило несоответствие чертежей ряда жилищ и их описаний в отчетах. На планах раскопов обозначены только контуры жилищ. Чертежи выполнены на отдельных листах в масштабе 1:10. При сравнении их с текстом отчета оказалось, что на некоторых чертежах вообще не нанесены детали, указанные в отчете. Так, для жилищ 1, 2 — приведен только контур и не нанесены очаги; в жилищах 7, 9, 11, 12, 18, 22, 27 не обозначены фигурирующие в описании столбовые ямы или завалы обмазки; на чертежах жилища 62 под стеной размещена надпись «завал обмазки». В описании жилища 64 есть фраза о прокаливании грунта вокруг костра, описание же собственно кострища и его чертежи отсутствуют.

Наиболее часто встречаемое несоответствие между чертежами и описаниями — это ориентация по сторонам света отопительных сооружений и столбовых ям. Эта ошибка присутствует на всех чертежах за исключением жилищ 13, 15, 34, 46, 54, 55.

Таким образом, возникает вопрос о достоверности либо чертежей, либо текста отчета. К сожалению, в научном архиве Института археологии НАН Украины хранится лишь один полевой дневник за 1968 г. Сравнение его с текстом отчета за указанный год показало, что последний является практически полной копией дневника. Чертежи, как уже упоминалось, выполнены в масштабе 1:10 с использованием циркуля и линейки. В целом создается впечатление, что чертежи выполнялись по эскизам и описаниям дневника уже в стационарных условиях. Именно этим могут быть объяснены отсутствие деталей, в частности, завалов стен, которые можно зафиксировать только на раскопе, и ошибки с ориентировкой.

Кроме того, в материалах исследования полностью отсутствуют нивелировочные отметки и стратиграфические разрезы как раскопа, так и отдельных жилищ. Все это чрезвычайно усложняет работу с материалами поселения Луг IV (Оболонь). Принимая во внимание большое количество жилищ, площадь поселения и достаточно широкую

его датировку, наиболее вероятно предположить, что оно застраивалось неоднократно (Башкатов 2004: 39—48). Исходя из этого, автором предлагается условное разделение на строительные слои. За таксон принята конструкция стен и глубина сооружения.

В настоящий момент считается доказанной прямая преемственность между классической зарубинской культурой и позднерубинскими памятниками Среднего Поднепровья (Обломский, Терпиловский 1991: 87—88; Терпиловский 2004: 25). Соответственно, истоки позднерубинского домостроительства следует искать в зарубинской культуре. Е. В. Максимов приводит характерные типы конструкций жилищ для каждого из трех локальных вариантов классического периода. Так, для Среднего Поднепровья, по его мнению, характерны жилища с каркасно-плетневой обмазанной глиной конструкцией стен, слегка углубленные в материк или стоящие на нем (Максимов 1972: 119).

Тем не менее, на рубеже эр на ряде поселений появляются жилища без следов каркаса, наземные либо слегка углубленные в материк, иногда со следами глиняной обмазки. К аналогичным постройкам можно отнести шесть построек из с. Великие Дмитровичи (Махно 1950: 96—100), постройку 7 городища Пилипенкова гора (Максимов 1971: 44—45, рис. 46). Две полуземлянки I в. н. э. исследованы на поселении Игнатовка I (Кухарская 1991: 53—54). Можно предположить, что все эти постройки имели срубную конструкцию стен. Поэтому вероятно, что смена конструкции стен с каркасно-плетневых на срубные началась еще в зарубинское время, а не позднерубинское, как считалось ранее (Обломский, Терпиловский 1991: 40). Возможно, причиной этого стала смена топографии поселений (Обломский, Терпиловский 1991: 40; Башкатов 2004б: 14—18).

Особый интерес вызывает наличие остатков глиняной обмазки, например, в постройках 5 и 6 поселения у с. Великие Дмитровичи, со следами плах и бревен (Махно 1950: 100). В этнографии есть упоминания, что при отсутствии качественного строевого леса (сосны, дуба и т. п.) срубы строились из дерева наиболее распространенных в пойме пород (ольха, верба, осина), а для исправления неровностей древесины стены построек обмазывали глиной (Материальная культура 1979: 290—291). Вполне вероятно, что в I в. н. э. ситуация была аналогичной. К тому же следует учитывать традицию обмазывания глиной стен зарубинских сооружений в более ранние эпохи. Возможно, об-

мазывание стен сруба глиной — индикатор переходных форм жилища, т. к. в дальнейшем этот прием распространения не получает.

Подытоживая вышеупомянутое, можно допустить такую линию развития: от слегка углубленного сооружения со стенами каркасно-плетневой конструкции, через слегка углубленный сруб (вероятно, иногда обмазанный глиной) к срубной полуземлянке, наиболее характерной для киевской культуры Среднего Поднепровья.

Используя типологию, предложенную автором (Башкатов 2008), жилища поселения Луг IV (Оболонь) можно разделить на четыре типа: жилища с каркасно-плетневой конструкцией стен со слегка углубленным полом — 17 (?), 22, 28, 30, 39 (?), 42 (?), 59; жилища с каркасно-плетневой конструкцией стен — полуземлянки — 15, 16 (?), 18 (?), 20, 23, 27, 29, 32 (?), 34 (?), 40 (?); срубы со слегка углубленным полом — 4, 5 (?), 7 (?), 11, 13, 25, 31 (?), 46, 60, 63; срубные полуземлянки — 1—3, 6 (?), 9, 12, 14, 19, 21, 24, 33, 35, 36—38 (?), 41, 43—45, 47—58, 61, 62, 64.

Следует отметить, что к сооружениям с каркасно-плетневой конструкцией были отнесены все объекты, которые имеют ямы от столбов, хотя в некоторых случаях этот критерий отбора достаточно условен (такие жилища отмечены знаком вопроса).

Для проверки гипотезы полученные результаты были сравнены с находками мисок «типа Почеп» на поселении Оболонь, памятниках Южного Побужья, поселении Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969: 51—74). Также были привлечены типы мисок финала существования могильника Вишенки (Пачкова 2009: 71—73, рис. 92). Фрагменты чернолощенных мисок были найдены в 39 жилищах. К однозначно позднезарубинецким относятся находки из жилищ 3, 21, 32, 40, 41, 42, 47, 51, 61, 62, 64, условно (формы, которые имеют аналогии как в «классическое», так и позднезарубинецкое время) находки из жилищ 1, 6, 11, 27, 48, 60, 63. Таким образом, в 18 случаях из 39 чернолощенные миски принадлежали к I—II вв. н. э. Как видно, сравнение результатов подтверждает что срубные постройки относятся к позднезарубинецкому времени. Первая попытка нанесения на план была сделана автором на более узком круге материалов (Башкатов 2008: рис. 1). Расширение базы в целом подтверждает полученные результаты и дает возможность более детального анализа планиграфии поселения.

В предыдущих исследованиях считалось, что на памятниках типа Лютеж существовало несколько типов жилищ с разными кон-

струкциями стен (Обломский, Терпиловский 1991: 37—38, Терпиловский 2004: 24—25). Однако, на наш взгляд, можно считать, что углубленный сруб как основная конструкция жилища, присущая для Среднего Поднепровья, появляется в финале «классического» периода зарубинецкой культуры на основе местных памятников и окончательно закрепляется в позднезарубинецкое время. Также, исходя из выше приведенных данных, на данном этапе исследований можно утверждать, что он становится практически единственной конструкцией жилья. Именно срубная конструкция и остается доминирующей для Среднего Поднепровья и в будущем.

Следовательно, позднезарубинецкое жилище Среднего Поднепровья представлено по меньшей мере одиннадцатью сооружениями Оболони (жилища 3, 21, 32, 40—42, 47, 51, 61, 62, 64), тремя постройками Лютежа и, возможно, двумя Новых Безрадицей, конструктивные особенности которых неизвестны (ясно лишь то, что сооружения были наземными). Из 14 оставшихся жилищ 12 имели срубную конструкцию (жилища Оболони, кроме 40, и жилища 1 и 3 Лютежа). Что же касается постройки 40 Оболони, то, исходя из плотного расположения столбовых ямок в нем и их количества (11), оно, вероятнее всего, было каркасно-плетневым. Его размеры и отопительное сооружение также близки к классическим: 5,85×3,1 м и глинобитный очаг в юго-западном углу. Вообще нельзя исключить, что фрагмент миски «типа Почеп» попал в заполнение случайно. Жилище 2 поселения Лютеж могло иметь как срубную, так и каркасно-плетневую конструкцию. Очаг, расположенный ближе к центру, может свидетельствовать скорее в пользу срубной конструкции.

Таким образом, главным типом жилища памятников типа Лютеж был сруб площадью 15—20 кв. м, углубленный в котлован квадратной или прямоугольной формы глубиной 0,2—0,5 м. Отопительным сооружением мог быть округлый в плане очаг диаметром 0,5—1,0 м, на полу или в ямке, расположенных по большей части ближе к центру жилища (что может быть связано с конструкцией стен).

Поселения типа Почеп распространены на территории Среднего и Верхнего Подесенья, включая притоки Десны: Судость, Неруссу и Навлю и их бассейны. В Подесенье остатки позднезарубинецких построек обнаружены на поселениях Спартак, поселение в устье р. Гасомы, Хотылево, Белокаменка, Синьково, Почеп, Парня-2, Железное, Киселевка-3, Никитенка-2 и Огородня.

Большинство из них находится в Верхнем Подесенье на территории России, за исключением Киселевки-3 (Черниговская обл., Украина). Традиционно считается, что постройки на поселениях почепского типа делятся на 2 группы — полуземлянки (23 постройки, исследованы: 13 на поселении Почеп, 1 — Хотылево, 1 — селище в устье р. Гасомы, 3 — Синьково, 1 — Железное, 1 — Белокаменка, 2 — Киселевка, 1 — Спартак) и наземные дома, получившие в литературе название «длинные дома»: 17 построек исследованы на поселениях Синьково (постройки 1, 5, 7, 9, 12, 15, 20, 21, 22, 23), Железное (постройки 1 и 2), Парня-2 (постройка 1) и Почеп (постройки Б, В, Д, Е). Идея о существовании последних получила широкое распространение в работах А. К. Амброза (Амброз 1964: 59—66; Амброз 1978). Противником существования «длинных домов» на поселении Почеп выступал Ф. М. Заверняев, считавший, что столбовые ямки расположены хаотично (Заверняев 1969: 98). Идея наличия «длинных домов» была продолжена в работах И. К. Фролова и Г. Н. Пронина, считавших наземное домостроительство основным типом жилища первой половины I тыс. н. э. лесной зоны (Пронин 1979: 47—62; Фролов 1979: 63—72). Считая жилище одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры и этноса, П. Н. Третьяков определял характерный тип постройки славянского населения как квадратное в плане жилище-полуземлянку (Третьяков 1974: 55; Третьяков 1982: 58). Хотя им и допускалась возможность сосуществования двух различных типов жилищ, связанных с разными этносами. Противником господства наземных домов также выступал и Е. А. Горюнов, считавший, что реконструкция сооружений И. К. Фроловым и Г. Н. Прониным производилась по разновременным столбовым и хозяйственным ямам, в расположении которых не было никакой системности (Горюнов 1981: 26, сноска 88). В своих работах А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский близки к точке зрения П. Н. Третьякова (Обломский, Терпиловский 1991: 117; Терпиловский 2004: 28). К подобным выводам пришел и Г. Л. Земцов в своем диссертационном исследовании (Земцов 2004). В определенном смысле точка зрения П. Н. Третьякова и Е. А. Горюнова продолжена Д. В. Каравайко в статье и диссертационном исследовании. По его мнению, хотя нельзя полностью исключить возможность «доживания» остатков юхновских племен до позднерубинского времени, маловероятно, что они могли оказать суще-

ственное влияние на формирование памятников типа Почеп. Данные выводы сделаны как при анализе юхновских материалов, так и выводов Ф. М. Заверняева о наличии на поселении Почеп двух четко выделяемых стратиграфических горизонтов, разделенных песчаной прослойкой, — более раннего (юхновского) и более позднего (позднерубинского) (Каравайко 2006: 73—78; 2007). На наш взгляд, наличие «длинных домов» до сих пор остается дискуссионным. Так, реконструкции Г. Н. Пронина с поселения Железное вызывают серьезные сомнения. Т. н. «углубленные части» сооружений 5 и 8, очевидно, являются углубленными постройками, подобными полуземлянкам Почепа. В пользу этого говорит наличие центральных опорных столбов кровли. Столбовые же ямы, имеющие отношение к постройкам, возможно, выполняли дополнительные фиксирующие функции при стенах. Сооружения 1 и 2 также вызывают некоторые сомнения. Так, в сооружении 1 почти вся площадь северной его части занята столбовыми ямками и двумя ямами, линии столбов от стен сооружения 2 также вызывают сомнения. В северной части наблюдаются, скорее, следы хозяйственных ям, а в южной — следы перекрытия (?) других объектов (сооружение 3). К сожалению, в статье не приведена подробная планиграфия и стратиграфия памятников и полное культурно-хронологическое определение материала. Из приведенного плана понятно лишь, что поселение многослойное с перекрытиями объектов. Также сомнительно выглядит реконструкция постройки с поселения в устье р. Гасома, вероятнее всего, это также углубленное жилище (Пронин 1979: рис. 2, 6:9). Если учесть точку зрения автора раскопок Ф. М. Заверняева об отсутствии «длинных домов» на поселении Почеп, то их количество и распространение резко уменьшится. Не отрицая возможности их существования, все же следует признать, что главным типом жилища памятников типа Почеп является полуземлянка. Вопрос о сосуществовании двух типов жилища в рамках одного поселения до сих пор остается открытым.

По мнению большинства исследователей, наземные постройки достаточно стандартны. Это прямоугольные в плане дома площадью 50—120 кв. м. Среди них выделяется небольшое наземное сооружение площадью примерно 9 кв. м (поселение Почеп, постройка 3 в раскопе 5). Длинные дома имели стены каркасно-столбовой конструкции. Она была закладной — горизонтальные бревна удерж-

живались несколькими рядами вертикальных стояков. Сооружения обычно делились на две-три камеры. Лучшее всего фиксировалась жилая часть постройки. Она была немногим (до 0,35 м) углублена в материк и имела прямоугольные размеры площадью около 8—12 кв. м. В центре этой камеры всегда располагалась яма с пологими стенками, борта которой, по-видимому, были выложены деревом. Ее размеры — приблизительно 1×2 м. Судя по расположению столбовых ям, над ней находились нары.

Жилая камера отделялась от остальной части дома перегородкой. Перед входом в нее обычно вкапывался толстый столб — опора для крыши. Во второй, самой большой, камере сооружения располагался очаг. Он находился либо прямо на полу, либо в овальной очажной яме. Перегородкой также была ограничена третья камера сооружения — сени. По-видимому, они имелись не во всех длинных домах. Наземные постройки имели различную ориентировку. Реконструируя сооружение 23 с поселения Синьково, А. К. Амброз отмечал, что вход в длинные дома обычно находился с противоположной стороны от жилой части, с торца (Амброз 1964: 65). В постройке 2 поселения Железное, по мнению И. К. Фролова, вход располагался посередине длинной восточной стены, возле очага (Фролов 1979: 65).

Наиболее хорошо углубленные постройки изучены на поселении Почеп. Условно их можно разделить на три группы. Самая многочисленная — это постройки с прямоугольной или подпрямоугольной формой котлована площадью от 7,5 до 17,5 кв. м, углубленные в материк на 0,7—1 м. Все они, скорее всего, имели срубную конструкцию стен, о чем свидетельствуют остатки ровиков от нижнего венца, обнаруженные практически во всех постройках. Возможно, стены возводились не из цельных, а расколотых бревен, о чем говорит находка в землянке 3 раскопа II остатков сгоревших плах (Заверняев 1969: 95). Во всех постройках зафиксированы остатки центральных столбов. В большинстве построек присутствует характерная особенность — наличие пологого углубления в центре сооружения. Также были встречены нерегулярные столбовые ямы возле стен — очевидно, следы дополнительного крепежа или деталей интерьера.

Вторая группа — постройки с квадратной и подквадратной формой котлована площадью от 9 до 12,25 кв. м, углубленные на 0,4—0,6 м в материк. Отдельно стоит постройка 14 раскопа 6, имевшая размеры 2,2×2,0 м и котлован глубиной 0,25 м от уровня материка. Судя

по небольшим размерам и отсутствию следов отопительного сооружения, она, возможно, имела хозяйственное назначение. Все постройки, кроме нее, имели яму от центрального столба и, вероятнее всего, срубную конструкцию стен.

Третья группа представлена жилищами с углубленным полом либо вообще наземными. Их площадь от 14 до 26 кв. м, они углублены на 0,2—0,5 м, за исключением постройки 3 раскопа V, которая была наземной. Все они, вероятно, имели срубную конструкцию стен. Неясна ситуация с постройкой 5, в которой было 10 столбовых ям. Хотя, на наш взгляд, они расположены довольно хаотично и не образуют какого-либо четкого замкнутого контура, что не позволяет однозначно интерпретировать ее как каркасную.

Первые две группы имеют явное продолжение в жилищах деснинского варианта киевской культуры, с которыми их объединяет глубина котлована, конструкция стен и наличие центрального столба. Аналогии к третьей группе можно найти среди жилищ Среднего Поднепровья рубежа эр. В это время там происходит смена ведущего типа жилища (Башкатов 2009: 228—229). Возможно, что подобные постройки были и на Южном Буге (см. памятники Южного Буга).

Уникальной является полуземлянка 2 в раскопе II. Она имела в плане округлую форму диаметром около 5 метров и глубину 0,65 м. Стенки были отвесными, пол горизонтальным, в центре располагался очаг диаметром до 1 м — черная углистая масса толщиной 0,15 м. В полу и за границами полуземлянки обнаружено большое количество столбовых ям (Заверняев 1969: 104). Прямые аналогии ему найти достаточно сложно.

Дискуссия о конструкции стен жилищ поселения Почеп ведется давно. Большинство исследователей, соглашаясь с тем, что большинство объектов имело срубные стены, в некоторых случаях предлагало другие варианты. Основываясь на наличии и расположении столбовых ямок, как возможные варианты предлагались заклад плахами или тонкими бревнами и стена, набранная из тонких бревен, либо каркасно-плетневая (Заверняев 1969: 93; Обломский, Терпиловский 1991: 55—56). На наш взгляд, замкнутый контур, необходимый для поддержки не срубной конструкции, был лишь в постройке 2 раскопа IV. Однако количество ямок, зафиксированных на ее площади, слишком велико, и встает вопрос о их одновременности. Таким образом, не отрицая полностью возможности других реконструкций, все же

наиболее обоснованным является предположение, что все позднезарубинецкие постройки имели срубную конструкцию стен.

Не меньшие споры вызывает конструкция отопительных сооружений. По мнению Ф. М. Заверняева, жилища Почепа отапливались печами и очагами, расположенными по центру построек, возможно, поднятых над полом (Заверняев 1969: 95—98). С обоснованной критикой этого выступили А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский. Они отметили, что практически во всех объектах отсутствуют цельные поды, а завалы горелой глины и угля фиксируются выше уровня пола, перекрывая центральную столбовую яму. Остатки же открытых очагов, расположенных в центре жилищ, сохранились в постройке 1 раскопа IX и постройке 2 раскопа II (Обломский, Терпиловский 1991: 54—55). К этому можно добавить очажные ямы в постройках с углубленным полом (постройка 1, раскоп VIII).

На территории Украины в Подесенье было исследовано поселение Киселевка-3, на котором были обнаружены остатки двух построек.

Постройка в раскопе 1 имела в плане неправильную трапецевидную форму. Ее размеры по линиям север-юг и запад-восток составляют 5,6 и 5,0 м соответственно, глубина — 0,10—0,25 м от уровня материка и 0,40—0,55 м — от уровня современной поверхности. В восточной части прослежены две хозяйственные ямы. Еще две ямы располагались к юго-западу и северо-западу от котлована сооружения. Авторы раскопок считают, что постройка имела шатровую конструкцию стен (Зеленецька 1980). Этому выводу противоречат значительные размеры сооружения и отсутствие дополнительных столбов для поддержания крыши. На наш взгляд, сооружение имело срубную конструкцию стен.

Постройка 2 шестиугольной формы, размерами 6,0×5,2 м и глубиной 0,10—0,25 м от уровня материка. Три хозяйственные ямы, обнаруженные на дне сооружения, частично выходят за пределы углубленной части. Еще две хозяйственные ямы располагались рядом с котлованом постройки — с северной и южной стороны. По верхнему контуру котлована и рядом с ним зафиксированы углубления от столбов (Максимов, Терпиловский, Цындоровская. Отчет 1976, Зеленецька 1980). Реконструкция стен данного объекта довольно затруднительна.

Группа позднезарубинецких памятников Картамышшево 2 — Терновка 2 зафиксирована на востоке лесостепного междуречья Днестра

и Дона. Они расположены в верховьях рек Псел, Северский Донец и Оскол.

Опираясь на различия в материальной культуре поселений, исследователи выделили две подгруппы позднезарубинецких памятников этого региона (Обломский, Терпиловский 1991: 62—76). Одна из них, типа Картамышшево-2, расположена на востоке Днепровского Левобережья, другая, типа Терновки-2, — в бассейне Северского Донца и Оскола (Обломский 1991: рис. 7). Постройки, относящиеся к типу Картамышшево-2, были обнаружены на поселениях Картамышшево-2, Бобрава-3, Гочево-7, Великие Будки (Хутор) и на поселении в ур. Озеро на Бельском городище. Постройки типа Терновка-2 прослежены на поселениях Приоскольское-1, Шоссейное, Терновка-2, Головино-1.

На поселении Картамышшево-2 исследовано 10 жилищ. По мнению В. М. Горюновой, постройка 10 имела хозяйственное назначение (Горюнова 2004: 51). С нашей точки зрения — это жилище, котлован которого нарушен более поздними ямами. В целом, складывается впечатление, что жилища поселения составляют две группы: первую — постройки 2, 3, 4 и, возможно, 5, компактно расположенные приблизительно в центре поселения; вторую — сооружения 6, 7, 8, 9, 10, вытянувшиеся в ряд по небольшой дуге.

Жилища первой группы имели подквадратную форму, площадь около 16 кв. м, и были углублены в материк на 0,4—0,6 м (даны отметки максимального углубления с учетом склона). Округлую форму котлована и большие размеры имело жилище 5 (5,4×4,6 м), однако, учитывая достаточно большую глубину (от 0,4—0,5 до 1 м) и специфику проседания песков, можно предположить, что сама постройка имела гораздо меньшие размеры и форму, близкую к квадрату. След очага в виде пятна прокаленного песка обнаружен лишь в постройке 5. Исходя из отсутствия столбовых ям, можно предположить, что все постройки имели срубную конструкцию стен.

Жилища второй группы имели размеры от 6,3 до 25 м² и были углублены в материк на 0,25—0,5 м. Наибольшую площадь имели постройка прямоугольной формы — 6 (?), 7, 8, а наименьшую — квадратные (9, 10). Особый интерес представляет жилище 8, в котором была обнаружена яма от центрального столба. В постройках 7, 8, 9 найдены очажные ямы диаметром 0,35—0,4 м. Стены всех построек, очевидно, имели срубную конструкцию.

Отдельного рассмотрения заслуживает жилище 1. Оно представляло собой наземную постройку с полом, углубленным на 0,1 м, раз-

мерами 5,8×3,4—3,6 м. По контуру было зафиксировано 13 столбовых ям. Длинные стены имели по 4 столба, короткие по 2—3. В центре постройки прослежено пятно открытого очага. Конструкция стен, судя по небольшому диаметру большинства столбовых ямок, была каркасно-плетневой. Не исключено, что постройка была поделена на две неравные части, о чем могут свидетельствовать две параллельные столбовые ямы в южной части (Горюнова 2004: рис. 2:1). Следует отметить, что жилище располагалось отдельно как от построек, так и от участка с ямами.

На поселении Бобрава-3 было исследовано одно жилище. Постройка 1 имела округлую в плане форму, размерами 4,2×3,8 м. Она была углублена на 0,5 м в материковый грунт. В центре сооружения, на полу, прослежены углистые включения, возможно, остатки очага (Горюнова 1983). Стены сооружения, по видимому, были срубными.

На поселении Гочево-7 обнаружена одна позднезарубинецкая постройка. Котлован постройки 1 имел в плане подпрямоугольную форму с длиной стен 3,75×3,45 м. Он ориентирован длинными сторонами примерно по линии север-юг, глубина — 1,0 м от уровня материка. С востока прослежено место входа — полуовальная ступенька глубиной 0,3 м. В юго-западном углу прослежен небольшой уступ (Горюнова, Романова, Щеглова 1987). Судя по отсутствию обмазки и столбовых ям, стены сооружения были срубной конструкции.

На поселении Великие Будки (Хутор) к позднезарубинецкому горизонту относится одно сооружение. Постройка 7 имела в плане неправильную квадратную форму, размерами 5,4×5,8 м. Котлован сооружения ориентирован стенами по сторонам света и углублен на 0,1—0,2 м в материк. На полу постройки, в юго-восточном и юго-западном углах, зафиксировано две столбовые ямки. Еще три ямы от столбов найдены вне котлована, у северной его стенки (Горюнова 1982). Отсутствие регулярных столбовых ям позволяет предположить, что стены имели срубную конструкцию.

На территории Бельского городища в ур. Озеро было обнаружено два позднезарубинецких жилища. В 1997 году была частично исследована постройка 1. Она, вероятно, имела прямоугольную форму. Полностью сохранилась ее юго-западная стена длиной 2,75 м, от северо-восточной сохранилось чуть больше метра. Котлован был углублен на 0,25 м и фиксировался с глубины 0,4 м. В южном углу обнаружено скопление фрагментов пе-

чины — возможно, остатки отопительного сооружения на помосте (Кулатова, Супруненко, Терпиловский 2005: 69, рис. 59). Постройка 2000 года сохранилась гораздо хуже и была зафиксирована как развал мелких фрагментов обмазки стен и печины (Кулатова, Супруненко, Терпиловский 2005: 77, рис. 64).

На поселении Терновка-2 обнаружено 9 сооружений, относящихся к двум горизонтам застройки. Среди объектов нижнего горизонта жилища не выделяются (Обломский 1990: 7—11). К жилым комплексам верхнего горизонта можно уверенно отнести постройку 4. Она имела подпрямоугольную в плане форму, размерами 3,6×2,2 м и глубиной 0,14 м от уровня материка. Возле юго-восточного угла располагался очаг — вымостка из камней, обмазанных двумя слоями глины. Очаг подовальный, размерами 1,1×0,6—0,8 м, высота — 0,5—0,7 м над уровнем пола (Обломский 1990: 11—12). По видимому, стены сооружения были срубной конструкции. Также не исключено, что к жилым объектам могла относиться и постройка 5. В пользу этого говорит достаточно правильная форма котлована и ровный пол. Сама постройка была подпрямоугольной формы, размерами 2×2,5×1,5×1,8 м и глубиной 0,35—0,48 м от уровня материка и 0,56—0,69 м — от древней поверхности. В центре заполнения сооружения зафиксировано скопление камней и кусков печной обмазки, которое, по мнению А. М. Обломского, не имеет отношения к сооружению (Обломский 1990: 12—13). Стены, скорее всего, имели срубную конструкцию. Также интересна постройка 6, имевшая подквадратную форму, размерами 2,1×2,0 м, глубиной 0,23—0,41 м от уровня материка и 0,73—0,91 м от древней поверхности. Сооружение ориентировано стенами по сторонам света. На полу постройки зафиксирована овальная яма диаметром 1,0—1,2 м и глубиной 0,62—0,64 м. С северной стороны в яму ведет ступенька. Здесь же, по всей видимости, располагался вход в сооружение (Обломский 1990: 13—14). Однако, учитывая наличие ямы от центрального столба, явно перекрытой хозяйственной ямой, можно предположить, что они не одновременны. Также в пользу этого может свидетельствовать то, что уступ «ступеньки» в северной части совпадает с уровнем пола (Обломский 1990: рис. 2:6). Стены были срубными и располагались внутри котлована. Если не учитывать хозяйственную яму, постройка похожа на почепские (постр. 2 раскопа V, постр. 14 раскопа VI). К сожалению, точно определить ее назначение не представляется возможным.

На поселении Приоскольское-1 обнаружено три сооружения. Одно из них (постр. 1), на наш взгляд, являлось жилым. «Яма 6» — хозяйственное сооружение, постройка 2 — трудноопределима.

Частично разрушенное карьером жилище 1 — в плане прямоугольное сооружение, ориентированное длинными стенами по линии северо-запад — юго-восток. Размеры постройки — 3,0×3,6×3,2×3,8 м, глубина — 0,77—0,87 м от уровня материка. По периметру сооружения (6) и в центре (2) прослежены ямки от столбов (Обломский, Терпиловский 1991: 130). Судя по наличию горелого слоя в сооружении и отсутствию завалов обожженной глины, стены были возведены без применения обмазки. Конструкция стен могла быть как каркасно-столбовой, так и срубом с дополнительной опорой на столбы, не исключен и вариант закладной конструкции.

К позднезарубинецкому горизонту на поселении Головино-1 относятся постройки 1 (хозяйственная), 3 (жилище) и 6 (трудноопределимая).

Котлован постройки 3 имел в плане подпрямоугольную форму, ориентированную длинными стенами по линии юго-запад — северо-восток. Его размеры — 3,9—4,2×2,9—3,1 м, глубина — 0,12—0,43 м в материке. На полу сооружения прослежены две столбовые и хозяйственная ямы. Столбовые ямы прослежены в северной части котлована, у противоположных длинных стен. Хозяйственная яма располагалась вплотную к юго-западной стенке. Она была углублена в грунт на 0,26 м. А. М. Обломский предполагает, что это сооружение являлось жилищем (Обломский 1988 Отчет: 20). Котлован сооружения имел достаточно четкие контуры, столбовые ямы отступали от края котлована, таким образом можно предположить, что сооружение имело срубные стены внутри котлована. Расположение ям от опор, несущих конек, не по центру, а со смещением к северу предполагает наличие крыши, перекрывающей часть пространства вне котлована. Котлован постройки 6 врезается в материк лишь в северной части на глубину до 0,17 м. Он имел подпрямоугольную форму, размерами 3,0×3,6—4,2 м. На полу зафиксировано 5 столбовых ям. Две из них располагались в центре, две — в западном и восточном (спаренная) углах, еще одна — у юго-западной стены (Обломский 1989: Отчет). Конструкция стен была, возможно, срубной с дополнительными креплениями. Не исключено, что

в ямах были установлены столбы, несущие конек крыши сооружения.

Из поселений, расположенных на территории лесостепного междуречья Днепра и Дона, исследователи относят к памятникам типа Гриней поселения Вовки на р. Псел и Раковка на р. Северский Донец. На обоих селищах обнаружено по постройке.

На поселении Вовки обнаружена жилая постройка. Постройка 6 в плане была прямоугольная, размерами 3,4×2,6 м и глубиной от уровня материка 0,3 м. Сооружение ориентировано длинными стенами по линии запад-восток. На его дне выявлено три столбовые ямы. Они расположены по длинной оси жилища. В юго-восточном углу зафиксированы остатки глинобитного очага, вымощенного битой посудой, или пода печи. Стены сооружения, по мнению А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского, были срубной конструкции (Терпиловский 1984: 55; Обломский, Терпиловский 1991: 83). Наличие трех столбовых ям по длинной оси жилища, скорее всего, свидетельствует о наличии конька, поддерживающего двускатную крышу.

На поселении Раковка обнаружено хозяйственное сооружение. Котлован постройки 1 в плане был неправильной формы размерами 6,25×4,20 м, глинобитный пол углублен на 0,05 м от уровня материка. На его площади зафиксированы 9 ям. Все они углублены на 0,1—0,3 м от пола, их стенки и днища покрыты глиной. Очаг расположен в яме 3 у западной стены. В центре ямы выявлено небольшое углубление, заполненное углями и кусками гранита. Глина на дне ямы 3 обожжена (Любичев 1993: 30—35). Стены сооружения, по всей видимости, не были углублены в грунт.

На поселении Березовка-2, которое исследователи относят к среднелесостепному варианту, обнаружено четыре сооружения. Два из них можно отнести к жилым (постройки 2 и 5), одну — к хозяйственным («яма 11»).

Котлован постройки 2 в плане подпрямоугольной формы, ориентированной длинными стенами по линии юго-запад — северо-восток, размерами 2,3—3,2×3,1—3,2 м и глубиной 0,34—0,46 м от материкового уровня. Около западного угла, на краю котлована зафиксирована яма от столба. В центральной части постройки обнаружен очаг в виде овальной в плане ямы размерами 1,00×1,16 м по верхнему контуру, 0,66×0,70 м — по дну и глубиной 0,23 м. Дно ямы прокалено. В заполнении сооружения выделяется два слоя, верхний

из которых был углистым (Обломский 1992: 84). Судя по отсутствию в нем глиняной обмазки, стены сооружения имели срубную конструкцию. Четкие контуры котлована постройки 4 прослежены лишь в южной и западной частях. По-видимому, объект имел в плане прямоугольную форму, размерами 4—4,2×3,4 м, и глубину 0,13—15 м от уровня материка и 0,38—0,45 м — от уровня фиксации (Обломский 1992: 85—86). Котлован постройки 5 сохранился частично. Его первоначальные размеры неопределимы, глубина — 0,75—0,8 м от уровня материка. На полу зафиксирован очаг в виде ямы размерами 1,22×1,10 м по верхнему краю и глубиной 0,05—0,15 м (Обломский 1992: 86). Конструкция стен, по-видимому, была срубной. Котлован «ямы 11» имел в плане неправильную прямоугольную форму размерами 2—2,26×4,8 м по верхнему контуру и глубину 0,16—0,28 м от уровня материка. В противоположных концах сооружения находились две хозяйственные ямы. Они округлой и овальной формы, глубиной соответственно 0,44 и 0,31 м от уровня пола постройки. В северо-восточной части прослежена очажная яма. Она неглубока, в плане неправильной овальной формы. Здесь же прослежены три ямы от столбов. Судя по всему, они не относятся к конструкции сооружения (Обломский 1992: 87).

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что для Южного Побужья, Среднего Поднепровья и памятников типа Почеп основной проблемой является состояние источника. Во многом это связано с тем, что исследования многих памятников проводились более тридцати лет назад. Это, соответственно, отразилось и на методиках исследования, и на оборудовании, применявшемся при них. Изучение жилищ Южного Буга и Оболони усложняется либо отсутствием, либо неудовлетворительным состоянием документации и публикаций. Однако на данный момент в распоряжении исследователей есть весь наличный объем ма-

териалов, касающихся ранее исследованных жилищ позднезарубинецкой группы памятников. Таким образом, с некоторой осторожностью можно сделать следующие выводы. Вопреки бытовавшей прежде точке зрения о широком распространении разных конструкций жилищ, в том числе и в пределах одного поселения, можно констатировать, что подавляющее большинство построек имеет срубную конструкцию стен. Наличие же каркасно-столбовой вызывает сомнение. Жилищ с четким замкнутым контуром из столбовых ям с обязательными угловыми, на наш взгляд, не зафиксировано. Хотя полностью исключить существование на территории Днепроовского Левобережья такую конструкцию нельзя. Столь же дискуссионным остается наличие «больших» домов на памятниках типа Почеп. Аргументы обеих точек зрения достаточно весомы, и на наш взгляд, решение этой проблемы возможно только при продолжении полевых исследований. Не до конца понятна ситуация на территории Южного Побужья. Возможно, что разные типы жилищ связаны с различными группами населения, мигрировавшими на эту территорию. Но нельзя исключать и погрешностей в фиксации и интерпретации имеющихся объектов. Остается открытым вопрос и о дальнейшей судьбе этой группы памятников. К сожалению, без появления новых материалов ответить на этот вопросы вряд ли удастся. В целом же складывается впечатление, что все группы позднезарубинецких памятников более близки в плане жилищ, чем считалось ранее. Отклонения от срубной конструкции скорее действительно могут носить региональный характер.

Традиция использования срубной конструкции стен продолжается и на подавляющем большинстве памятников киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья. Что в очередной раз подтверждает преемственность позднезарубинецких и киевских древностей.

Литература

- Амброз А. К. 1955. *Отчет о разведках по Десне в 1955 г. (в пределах Брянской области)*. Архив ИА РАН, р-1. № 1250.
- Амброз А. К. 1956. *Отчет об археологических разведках и раскопках Славянской экспедиции АН СССР в Брянской обл. в 1956 г.* Архив ИА РАН, р-1, № 1334.
- Амброз А. К. 1957. *Отчет о работах Верхнеднепровской экспедиции ИИМК СССР 1957 г.* Архив ИА РАН, р-1 № 1658.
- Амброз А. К. 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. *СА* (1), 61—71.
- Башкатов Ю. Ю. 2001. До питання про пізньозарубинецьке житло. *АЛЛУ* (1—2), 33—35.
- Башкатов Ю. Ю. 2004а. К вопросу о времени появления пойменных поселений зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье (на примере поселения Луг IV (Оболонь)). В: Макушников О. А. (ред.) *Славянский мир Полесья в древности и средневековье*. Гомель, 14—18.
- Башкатов Ю. Ю. 2004б. Особливості житлобудування та господарчої діяльності мешканців заплавної поселення Луг IV (Оболонь). В: Козак Д. Н. (від. ред.). *Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали*. Київ, 39—48.
- Башкатов Ю. Ю. 2008. Типология жилищ Славянской

- линии развития (по материалам I–V веков н.э.). В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*, Тула, 326—340.
- Башкатов Ю.Ю. 2009. До питання про походження слов'янського житла Середнього Подніпров'я (за матеріалами I—V ст.). *Vita Antiqua* 7—8, 227—236.
- Бидзиля В.И., Пачкова С.П. 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. *МИА* 160, 51—75.
- Горюнов Е.А. 1981. *Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья*. Ленинград.
- Горюнова В.М. 1982. *Отчет о работе Днепровского Левобережного археологического отряда Ленинградского отделения ИА АН СССР*. Архив ИА НАНУ, № 1982/156.
- Горюнова В.М. 1983. *Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1983 г.* Архив ИА РАН, р-1. № 11840.
- Горюнова В.М., Романова Г.А., Щеглова О.А. 1987. *Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА в 1987 г.* Архив ИА РАН, р-1. № 12506.
- Горюнова В.М. 2004. Поселение Картамышшево II (постзарубинецкая эпоха) (Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье). В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (ред.). *Доклады научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова — Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.* Санкт-Петербург, 43—88.
- Даниленко В.Н., Дудкин В.П., Круз В.А. 1967. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. *Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.* Киев, 209—215.
- Заверняев Ф.М. 1969. Почепское селище. *МИА* 160, 88—118.
- Зеленецька І.Б. 1980. Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні. *Археологія* (33), 80—87.
- Земцов Г.Л. 2004. *Жилье и хозяйственные постройки лесостепного Днепро-Донского междуречья в первой половине I тыс. н.э.* Автореф. дисс. канд. истор. наук. Липецк.
- Каравайко Д.В. 2006. Бассейн Средней Десны на рубеже эр (Южно-Почеп). *АЛЛУ* (2), 73—78.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В. 2005. *Пізньюскифські та пізньюзарубинецькі старожитності Полтавщини*. Київ; Полтава.
- Кухарская Е.Н. 1991. Исследования зарубинецкого поселения у с. Игнатовка на р. Ирпень. *Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини*. Тези. доп. першої науково-практичної конференції. Білогородка. Київ, 53—55.
- Любичев М.В. 1993. Раннеславянское селище на Северском Донце. *Вестник Харьковского университета 374: История*. Вып. 27. Харьков, 30—35.
- Максимов С.В. 1971. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора. *Археологія* (4), 41—56.
- Максимов Е.В. 1972. *Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры*. Киев.
- Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище*. Москва, 1979.
- Махно Е.В. 1950. Раскопки зарубинецких поселений в Среднем Поднепровье в 1950 г. Поселение у с. Великие Дмитровичи. *МИА* 70, 96—101.
- Мачинский Д.А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* (17). Ленинград, 82—100.
- Обломский А.М. 1987. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. *СА* 3, 68.
- Обломский А.М. 1988. *Отчет о работах Белгородской археологической экспедиции*. Архив ИА РАН.
- Обломский А.М. 1989. *Отчет о работах Белгородской археологической экспедиции*. Архив ИА РАН.
- Обломский А.М. 1990. Поздnezарубинецкое поселение Терновка 2. *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск, 5—42.
- Обломский А.М. 1991. *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв.* Москва; Сумы.
- Обломский А.М. 1992. Березовка-2 (поздnezарубинецкое поселение на Сумщине). *Петербургский археологический вестник* 2, 83—99.
- Обломский А.М. 2002. *Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н.э.)*. Москва.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э.* Москва.
- Пачкова С.П. 2009. *Могильник зарубинецької культури Вишеньки біля Києва*. Київ.
- Пронин Г.Н. 1979. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа. *СА* (1), 47—63.
- Терпиловский Р.В. 1984. *Ранние славяне Подесенья III—V вв.* Киев.
- Терпиловский Р.В. 1994. *Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку. Старожитності Русі — України*. Київ, 73—79.
- Терпиловский Р.В. 2004. *Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э.* Lublin.
- Третьяков П.Н. 1966. *Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге*. Москва; Ленинград.
- Третьяков П.Н. 1971. Из предыстории славянского жилища. *Archeologia Polski* (XVI), 235—248.
- Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье. *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград, 40—118.
- Третьяков П.Н. 1982. *По следам древних славянских племен*. Ленинград.
- Фролов И.К. 1979. О домостроительстве первой половины I тыс. н.э. на территории Подесенья и Почепья. *СА* (1), 63—73.
- Хавлюк П.І. 1970а. *Науковий звіт про археологічні дослідження на П. Бузі, проведені в 1970 р. експедицією Вінницького педагогічного Інституту*. Архив ИА НАНУ, 1970/75.
- Хавлюк П.І. 1970б. *Щоденник археологічної розвідки та розкопок у басейні Південного Бузу і Лівобережжя Дністра. 1970 р.* Архив Винницкого краеведческого музея.
- Хавлюк П.І. 1971. *Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі*. *Археологія* (4), 84—96.
- Хавлюк П.І. 1975а. *Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра*. *Археологія* (18).
- Хавлюк П.І. 1975б. *Щоденник археологічних досліджень Південного Побужжя (1975 р.)*. Архив Винницкого краеведческого музея.
- Хавлюк П.І. 1975в. *Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1975 р.* Архив ИА НАНУ, 1975/35.
- Хавлюк П.І. 1977. *Науковий звіт про дослідження ар-*

Петербургский апокриф. Послание от Марка

- хеологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1977 р. Архив ИА НАНУ, 1977/76.
- Хавлюк П.І. 1978. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1978 р. Архив ИА НАНУ, 1978/54.
- Хавлюк П.І. 2003. Південнобузький регіон зарубинецької культури. *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України*. Київ, 175—178.
- Шовкопляс Г.М., Терпиловський Р.В. 2003. Кераміка рубежу нашої ери з поселення Оболонь у Києві (попередні спостереження). *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України*. Київ, 178—190.
- Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования. *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев. 29.
- Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* (14). Ленинград. 43—52.
- Щукин М.Б. 1976. Археологические данные о славянах II—IV вв. Перспективы ретроспективного метода. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* (17) Ленинград, 67—81.
- Щукин М.Б. 1979. К предьстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* (20). Ленинград, 66.

Статья поступила в редакцию 10 января 2010 г.

Yuri Bashkatov (Kiev, Ukraine). Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine.

Башкатов Юрий Юрьевич (Киев, Украина). Институт археологии Национальной Академии Наук Украины.

E-mail: j_bashkatov@otradny.net.ua